

КУЛЬТУРА

Поцеловаться с колбасой

«Человек из ресторана» на сцене Театра на Малой Бронной

Екатерина Васенина

Театральную общественность интриговали премьерой по повести Ивана Шмелева «Человек из ресторана» с прошлого лета. Поскольку в постановке заняты актеры разных театров – горьковского МХАТа, Театра на Таганке, «Ленкома», собраться и отрепетировать до конца было непросто. Однако когда они все же собрались, стало непонятно: зачем?

Приписка к названию «Экзерсисы на тему...» традиционно вызывает сомнения в качестве предлагаемого продукта: таким образом, создатели заранее снимают с себя любые обязательства перед публикой. Экзерсисы – всего лишь упражнения вроде простейших гамм. Из полотна шмелевской повести выдернули тему, актуальную в эпоху нового расцвета ресторанного бизнеса: размышления рядового «стаффа», маленького человека – «лакей» он или «человек»? На роль официанта Скороходова, доверенного лица многотысячной армии обслуживающего персонала в сфере ресторанного бизнеса, позвали Виктора Сухорукова, который, пожалуй, единственный из всех держал в голове легендарную картину Якова Протазанова 1927 года, где роль Скороходова исполнял Михаил Чехов. Увы, это не очень ему помогло. Повторить актерский рисунок Чехова – такой задачи не ставилось, а собственная физика Сухорукова – волосатая грудь и спина, манера растягивать гласные были подчеркнуты так неумно, что хоть плачь. Даже главной своей уловки – присваивать всем персонажам собственное имя Виктор Сухоруков здесь не имел. И потонул в общей безвкусице.

Сухоруков играет Скороходова как доморощенного правдоискателя, кроме Евангелия книг как будто не видевшего и детей своих воспитывающего сообразно старому укладу. На работе готов, зажав нос от смеси кухонных запахов и ароматов

разносортных одеколонов, и спину погнуть за копеечку, но копеечку эту принести домой жене и детям. Дети стыдятся отцовского лакейства, и его формула «у нас не просто подай-принеси, а со смыслом» им непонятна. Все плохое с семьей Скороходова случится, конечно, от неуважения старших – эту простую мысль постановщик спектакля и автор пьесы (экзерсисов) Андрей Лукьянов напишет на лбу каждого зрителя.

При всем нежелании спорить с этой домостроевской истиной нельзя не заметить, что и Домострой, и шмелевские растерянные в революциях люди, и эксцентрика протазановских двадцатых в постановке Андрея Лукьянова заменены грубой прямолинейностью и каким-то медвежьим восторгом перед ресторанным разгулом, синонимичным русской удали, до которых многим антрепризам еще шагать и шагать. Кажется, что режиссер сам запутался, где тут «брюка правая», а где тут «брюка левая», так много всего хотел сказать. По разбегающимся к кулисам лестницам носятся с подносами половые, нахваливающие свою румяную бутафорскую еду, гремит музыка, клиент предлагает поцеловаться с колбасой, «потому что она честная, не то что обманщик-омар», официанты канканируют с на диво колченогими гризетками, бордельные девушки, одетые в черно-красную профодежду, катаются на заливках посетителей. Так был понят Шмелев.

Самое обидное и непонятное, что никто из смеявшихся над откровенно ужасными танцами в постановке Ирины Зибровой (консультантом по движению выступил Михаил Лавровский) и с осанной вынесенными грушами и осетрами из папье-маше, не ушел в антракте. Как будто всех как поцеловала та самая честная в своей пошлости колбаса в самом начале, так и не отпустила до самого финала.